

Венеция
← не в Италии →

Монгаржи

Венеция

Иван Кальберак

Иван Кальберак
Венеция не в Италии

Издательство «Синдбад»

2015

УДК 821.111-31
ББК 84(4Фра)-44

Кальберак И.

Венеция не в Италии / И. Кальберак — Издательство «Синдбад»,
2015

ISBN 978-5-00131-019-8

Чистая и нежная история первой любви. 15-летнему Эмилю очень нравится Полин, которая учится с ним в одной школе, да и он ей симпатичен. Но у Эмиля проблема – он стесняется своей семьи. Его отец работает торговым агентом, а семья живет в трейлере и своими руками – за неимением лишних денег – строит рядом новый дом. Зато отец Полин – известный дирижер и очень состоятельный человек. Полин играет на скрипке. Ее отец организует в Венеции молодежный музыкальный фестиваль, в котором должна принять участие и его дочь. Полин приглашает своего друга приехать в Венецию на ее концерт. Путешествие на трейлере по дорогам Европы превратится в безумную гонку наперегонки со временем и не только откроет Эмилю глаза на его отношения с девочкой, в которую он влюблен, но и заставит изменить взгляд на многие вещи, казавшиеся ему незыблемыми.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-00131-019-8

© Кальберак И., 2015
© Издательство «Синдбад», 2015

Содержание

Понедельник 12 марта	6
Среда 14 марта	8
Пятница 16 марта	10
Вторник 20 марта	13
Среда 21 марта	15
Пятница 23 марта	18
Понедельник 26 марта	21
Вторник 27 марта	23
Среда 28 марта	27
Пятница 30 марта	32
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Иван Кальберак

Венеция не в Италии

Ivan Calbérac

VENISE N'EST PAS EN ITALIE

© Editions Flammarion, Paris, 2015

© Издание на русском языке, перевод на русский язык. Издательство «Синдбад», 2018.

Понедельник 12 марта

Мы с мамой обедали. В этот раз она приготовила мне салат из редиски с маслом и эскалопы из индейки с рисом в грибном соусе – одно из моих любимых блюд. Мы ели молча, сидя друг против друга. Я думал об одной девочке, с которой был незнаком: я слышал, как во дворе лица она говорила, что ведет дневник. Это заставило меня задуматься. И вот, сидя напротив мамы и жуя эскалоп, я вдруг заявил, что люди, которые ведут дневник, придают своей жизни слишком большое значение. Мама посмотрела на меня и с необычной для нее мягкостью заметила, что, если я сам не буду придавать значения своей жизни, для кого же тогда она будет иметь значение? Я почувствовал себя идиотом: моя мама не любит умных разговоров, она совсем не интеллектуалка, но тут, должен признать, она положила меня на обе лопатки. И в среду после обеда, когда в у нас лицея не было уроков, я отправился на улицу Дорэ в книжный магазин и купил эту красивую тетрадь, в которой сейчас пишу авторучкой «уотерман» – эти ручки в какой-то момент всегда протекают и пачкают вам пальцы чернилами. А ведь ручки «уотерман» вроде бы лучшие из всех. Не считая ручек фирмы «Монблан», но это совсем другая ценовая категория: за такие деньги можно купить скутер. Кроме того, я уверен: эти ручки в итоге тоже протекают, пусть и не так быстро.

Ничто не вечно – таков закон природы. Сначала у вас ломаются авторучки, а потом однажды вечером умирает бабушка. Звонит телефон: это мама, она сегодня не придет домой, потому что бабуля только что покинула нас. Звонок был обыкновенный, такой, как всегда, но, когда разговор заканчивается, ты чувствуешь себя совсем другим человеком, наступает какая-то особенная тишина, неподвижная и бескрайняя, как поверхность озера ночью, и ты думаешь: смерть – это когда смолкает шум. Одним словом, ничто не вечно, поэтому в идеале ни к чему не следовало бы привязываться, тем более к своим письменным принадлежностям. Но я хотел поговорить совсем не об этом. Первая тема, к которой я должен обратиться, – это Полин, потому что, если честно, я все время о ней думаю. Она в предпоследнем классе, у нас в лицее их девять. Было бы просто гениально, если бы мы с ней оказались одноклассниками, но, согласно статистике, шансов на это было немного. К тому же я учусь в выпускном, потому что я на полтора года старше ее. А значит, чтобы мы оказались в одном классе, мне пришлось бы остаться на второй год, но и тут у нас был бы только один шанс из девяти. Так или иначе, если я останусь на второй год, родители меня убьют. Без преувеличения.

Я познакомился с Полин в гостиной для девочек. Когда я говорю «познакомился», то имею в виду, что вначале просто взглянул на нее, но иногда этого бывает достаточно, чтобы изменить всю вашу жизнь. Я играл в пинг-понг – нам разрешают играть с двенадцати до двух часов дня, а я обожаю пинг-понг, я был чемпионом департамента Луарэ в командном зачете, я могу играть часами подряд и не уставать, а когда занимаешься чем-нибудь без передышки, так или иначе приобретаешь класс. Короче, я играл партию в пинг-понг не помню с кем, и шарик пролетел у меня над головой, или я упустил его. Я обернулся и увидел девочку лет пятнадцати, с темными волосами и темными глазами, в джинсах и полосатом джемпере-тельняшке с большими пуговицами на боку, на плече и на шее; она опустила на колени, подобрала шарик и встала. Мне она сразу показалась красивой. Когда она не улыбается, в лице есть что-то сухое, почти что неприятное, но от улыбки оно словно оттаивает. У меня было впечатление, что я знал ее всю жизнь, наверно, это и есть любовь – когда незнакомый человек вдруг становится близким и родным. Вроде как услышать впервые по радио какую-нибудь песню – и сразу почувствовать, что эта песня теперь будет с тобой всегда, что ты ее запишешь, будешь делиться ею с друзьями, будешь слушать ее еще сто лет спустя: для тебя все это ясно и очевидно, но объяснить причину ты не можешь. Вне всякого сомнения, Полин присутствовала в моей жизни и раньше, только вот где она была, я не знаю.

Она отдала мне шарик, тут не из чего было раздуть целую историю, но это мгновение запечатлелось во мне навсегда. И пусть с этих пор, как говорит моя мама, много воды утечет, я знаю, что буду помнить его даже на смертном одре. Впрочем, я буду помнить его в любом случае, как и все остальное. У меня суперпамять, и я говорю об этом не для того, чтобы похвастаться: такое свойство мало у кого вызывает зависть. Девчонки, например, далеко не в первую очередь обращают внимание на то, какая у парня память. Мне не приходится заучивать коды, номера телефонов, дни рождения, я их запоминаю моментально... Так же как названия фильмов и фамилии в титрах – не знаю даже, как все это помещается у меня в голове. Но, надо думать, придет время, когда я не буду все помнить так четко, как сейчас, говорят ведь, что рано или поздно у человека начинает улетучиваться из памяти то одно, то другое – вроде как из авторучки рано или поздно начинают вытекать чернила, ну вот, когда из моей головы улетучатся цифры и фамилии, события и места и, что еще хуже, образы и чувства, останется только лицо Полин, протягивающей мне шарик для пинг-понга. И тогда я смогу закрыть глаза и умереть.

Среда 14 марта

Надо придумать повод с ней заговорить. Вряд ли возможно поцеловать девчонку, если ты не обмолвился с ней ни словом. Кое-кому это удастся, но должен сразу сказать: у меня не тот разряд. Когда я куда-то иду с Пьер-Эмманюэлем – он мне не то чтобы друг, а скорее, приятель, с которым я играю в теннис, – то замечаю, как девчонки украдкой на него поглядывают. Пьер-Эмманюэль в свои пятнадцать лет уже бреется, у него голубые глаза и правильные черты лица – в общем, он похож на диктора теленовостей, думаю, вы его себе представили.

А на меня девчонки смотрят редко – даже украдкой, не подавая виду. Мама говорит, что у меня невидная красота, и меня это смущает. Невидная красота – это ведь может быть и не красота вовсе, а что-то на грани уродства, если вы улавливаете мою мысль. Но я все же надеюсь, что я – где-то посередине, плюс-минус, не зря ведь говорится: на вкус и цвет товарищей нет. Если к этому добавить, что я маленького роста, а девчонкам нравятся высокие парни, то мне остается одно: быть веселым, остроумным, обаятельным. Чтобы научиться нравиться девчонкам, надо вначале узнать, как они устроены. Этим я в основном и пытаюсь заниматься. Красавчикам ни к чему постигать женскую душу, добыча сама идет к ним в сети. А мне, хочешь не хочешь, придется стать по этой части специалистом. Вот поступлю в университет и получу диплом по девчонкам. В смысле, по женской психологии.

Существует распространенное заблуждение, что девчонок необходимо смешить. Но когда я вижу, сколько мрачных типов прогуливаются под руку с умопомрачительными красотками, мне кажется, что в деле соблазнения юмор – все равно что апельсиновый ликер для блинчиков: аромат придает, но базовым элементом его не назовешь. Надо сказать, в ходе наблюдений я кое-что заметил: главное – это как они на вас смотрят. Когда девчонке нравится парень, я вижу это сразу – пусть даже она старается это скрыть и смотрит на него украдкой: скосит на долю секунды глаза и тут же отведет взгляд, но что-то в нем говорит парню: «Да». Что-то в нем говорит ему: «Ну наконец-то» и «Уведи меня». Я ничего не выдумываю, это факт, доказанный научно: как объясняет месье Фабр, наш учитель физики, все дело в расширении зрачков. Не всегда легко заметить, если у человека расширяются зрачки, но я замечаю. Наверно, срабатывает шестое чувство. Или я феноменально наблюдательный. Но должен признаться: когда девчонки смотрят на меня, зрачки у них редко расширяются. А может, дело в том, что когда они на меня смотрят, мое шестое чувство отключается, как, впрочем, и остальные пять. Может, как раз потому, что ты не считаешь себя достойным заполучить все чудеса мира, тебе ничего и не достается? В том числе самые красивые девчонки. А может, все сложнее – не знаю, не уверен.

Ладно, прекращаю писать: мама хочет, чтобы я садился за уроки. Сначала уроки, остальное потом, так она говорит, а спорить с ней я не люблю, потому что она сразу начинает злиться: детали я вам описывать не буду. Я пытался объяснить ей, что вести дневник – это тоже интеллектуальное занятие, но ее интересует только мой школьный дневник, в котором записано, что задано на дом. Пока я все не сделаю, она не отстанет. От меня требуется методичность и скрупулезность. Слово «скрупулезность» – новое, я узнал его недавно, но думаю, что легко мог бы без него обойтись.

В моей матери есть что-то твердое и холодное, что-то железобетонное, не знаю, что с ней сделали, чтобы она стала такой, скорее всего, это идет из детства, она иногда об этом проговаривается, но и так ясно, что детство у нее было не сахар. Несчастное детство следовало бы отменить, как и смертную казнь, сразу во всем мире, хотя в Америке ее кое-где еще применяют. Моя мать иногда бывает и ласковой. Я точно знаю, что она желает мне только добра. Даже если ради этого ей сначала надо меня напугать или обидеть. Может показаться, что тут какое-то противоречие, но жизнь часто бывает противоречивой, из зла получается добро, и наоборот. Трудно отделить одно от другого, я понял это совсем недавно, а тому, кто ломает

себе над этим голову, прямая дорога в философы. Или в дурдом – как повернется. Лупить она меня почти не лупит, в основном применяет психологическое давление. Не знаю в точности, как его описать. Просто вдруг начинаешь ощущать, как сгущается атмосфера, и тебе становится страшно. Если разразится гроза, мало не покажется. Потом, успокоившись, она смотрит мне в глаза и объясняет, что все это ради моего же блага. Она заставляет меня вкалывать как проклятого и оставаться лучшим в классе, потому что это верный шанс в будущем получить престижную профессию. (Или стать престижным безработным, что тоже не исключено.) Два раза в неделю, даже зимой, я должен ходить в бассейн и до полного изнеможения наматывать на дорожке километры, чтобы в моем здоровом теле был здоровый дух (хотел бы я знать, где она услышала эту идиотскую фразу).

Неужели человеку, чтобы жить в свое удовольствие, вначале надо хорошенько помучиться? Или некоторым удастся проскочить между струйками? А те, на кого валится все дерьмо мира, какая им от этого польза? Если она вообще есть. Неужели чем дольше живешь, тем больше страдаешь? Или самое ужасное в жизни время – это детство? Потому что ребенок чаще всего не в состоянии защититься, когда над головой сгущаются тучи и гремит гром. Оказался крайним – получи по полной программе, таков закон джунглей, который имеет силу и в городской среде. А пожалуешься – получишь по двойному тарифу. Когда ты совсем старый, это наверняка тоже плохо, ведь ты не можешь постоять за себя, и есть масса желающих этим воспользоваться. Между детством и старостью у человека наступает средний возраст, возможно, это время передышки. Но, когда видишь в общественном транспорте хмурые физиономии пассажиров, то есть людей, которым примерно от двадцати трех до пятидесяти восьми, трудно поверить, что они проживают лучшие годы своей жизни. Говоря языком статистики, это не представляется доказуемым. Возможно, лучших лет жизни не бывает вообще. Только мгновения, которые надо ловить на лету. И стараться продлить подольше. Как летние каникулы – то, что я люблю больше всего на свете.

Иногда у меня сразу возникает такая масса вопросов, что они прямо расталкивают друг друга, а задать их некому, так что я лежу, глядя на потолок, и никак не могу заснуть. А к четырем или пяти утра на меня наконец наваливается сон. Это еще не настоящая бессонница. Так, любительский уровень. А утром, когда я просыпаюсь, в голове чуть-чуть проясняется, но это только потому, что я забыл вчерашние вопросы. Правда, ненадолго. Но все же какое-то облегчение.

Пятница 16 марта

Сегодня мой отец возвращается домой на уик-энд. По будням он дома не ночует: работа у него в Париже, а сюда, в Монтаржи, ехать слишком долго. Правда, многие все же проделывают это путешествие каждый день, торчат в пробках или сидят на платформе, когда у железнодорожников забастовка, которая всякий раз выливается в войну нервов с министерством транспорта, и по телику только об этом и говорят. Но мой отец часто заканчивает работу очень поздно, как люди из шоу-бизнеса. Он добирался бы до дому глубокой ночью, когда мы с мамой уже спим, съедал бы в одиночестве омлет из двух яиц и смотрел по телику ночные новости, а от этого лучше воздерживаться, особенно если вам часто снятся кошмары.

Работа у отца своеобразная, о ней не очень-то удобно рассказывать, но здесь, в моей тетради я могу написать все – а иначе для чего я ее покупал? Итак, скажу прямо: мой отец – торговый агент. Знаю, это мерзкое занятие. Он ходит по домам и предлагает людям стальные двери, сигнальные устройства, системы безопасности. Такой товар пользуется спросом, ведь в наши дни всем страшно жить, Правда, сейчас кризис, и отец постоянно твердит, что «обстановка осложняется». А я спрашиваю себя: бывает ли такое время, когда обстановка становится проще, и если да, то в чем это выражается? Он считает, что у него вымирающая профессия, потому что люди теперь никого к себе не пускают: повсюду кодовые замки, домофоны, видеокамеры. Хотя в этом отчасти виноват он сам, потому что, предлагая людям охранные системы, подпитывает в них маниакальный страх, вот они и стараются превратить свое жилье в неприступную крепость. Примерно как если бы он продавал им веревку, чтобы они повесились. В общем, люди ведут себя, как камикадзе, но его это, похоже, не слишком волнует. На мой взгляд, все человечество превратилось в коллективного камикадзе, или, по крайней мере, имеет такую тенденцию; как иначе объяснить наркоманию, вырубку лесов, перенаселение, использование допинга в спорте, приводящее к раку поджелудочной железы, а кроме того – пестициды в капусте? И это еще не все, и перечислять надо было в другом порядке, но, думаю, вы уловили мою мысль. Наверно, это такая форма героизма – расшибать себе лоб о стену. В прошлом году я видел фильм про самураев, японских воинов, которые, утратив честь, кончали жизнь самоубийством. Возможно, человечество каким-то образом утратило честь: это объяснило бы его тягу к самоубийству.

Так или иначе, но люди, которые ходят по домам и предлагают товары, как мой отец, – это герои. Да, герои: хоть и без суперспособностей, хоть и непризнанные, а, наоборот, всеми презираемые. Когда в начале учебного года мы заполняем анкету, и в графе «профессия родителей» в очередной раз приходится писать эти позорные слова – торговый агент, я готов провалиться со стыда. Поверьте, я не преувеличиваю: это безмерное унижение. Я стараюсь заполнить эту графу так, чтобы одноклассники не видели. Думаю, учитель сразу представляет себе усатого дядьку в старомодном галстуке, славного, но глуповатого, который звонит вам в дверь и которого вы со вздохом выпроваживаете. Стыд, да и только. Я предпочел бы написать в этой графе «врач», или «адвокат», или «учитель французского языка». Бывают же приличные, благородные, уважаемые профессии, не то что таскаться по городу и навязывать людям какой-то хлам. Тем не менее для нашей семьи это единственный источник дохода. Тем не менее система персональных продаж, как говорит мой отец, – дело очень трудное и ответственное. Вы заявляетесь к людям, которые ничего у вас не просили, которым по сути ничего не нужно, и в итоге получаете от них чек на крупную сумму за вещь, которую они не собирались покупать. И вдобавок, если продавец все сделал грамотно, они остаются очень довольны. Тут есть один секрет: то, что произошло, на самом деле никакая не купля-продажа. Люди ни в коем случае не должны заподозрить, что им хотят сбыть товар. Продавец проникается к ним внезапной симпатией. Беседует с ними. Становится их другом. И в какой-то момент делает их счастливыми

обладателями того или иного товара. Это настоящее искусство. Но только, в отличие от других искусств, таких, как актерская игра, пение, музыка, оно не вызывает восхищения – совсем наоборот. Оно исчезнет раньше, чем дождется официального признания.

Отец не получает регулярной зарплаты, только комиссионные. Если за неделю не удастся реализовать нужное количество товара, это отражается на его настроении. Нам он ничего не говорит, но я сразу чувствую, когда у него проблемы: он приходит не такой веселый, как обычно. Правда, сам он это отрицает, но я ему не верю. Он объясняет, что недели бывают разные, удачные и не очень, и тут главное – не падать духом, а продолжать делать свое дело, звонить в двери, улыбаться, очаровывать, выслушивать бесконечную нудную болтовню с таким видом, чтобы у клиентов создавалось впечатление, будто они ужасно умные и интересные люди, даже если они несут несусветную чушь. Хуже всего, что при этом надо быть абсолютно искренним, иначе ничего не выйдет. Не знаю, как он с этим справляется, наверно, он софист. Вроде тех древних греков, о которых нам рассказывает месье Мерле, учитель французского: он все время пытается учить нас философии, по-видимому, выбрал не ту специальность. Мой отец способен сначала отстаивать одну точку зрения, а потом прямо противоположную, и это его нисколько не смущает, главное для него – обмен мнениями, умение поддержать разговор. Не стоит цепляться за какую-то идею, ведь они по сути все равноценны: так он думает, и такая позиция помогает ему найти общий язык с кем угодно, а в итоге успешно продать свой товар. Он постоянно твердит: «Мир полон близоруких людей, которые хотят убедить вас, что мир плавает в тумане». Потому что философия и система персональных продаж – почти одно и то же. Только не говорите это философу. А уж тем более менеджеру по личным продажам. Вообще-то в наши дни все люди – менеджеры по продажам, просто они умеют маскироваться, но когда мы не берем товар, который они нам навязывают, они делаются грустными и разочарованными. Чтобы в этом убедиться, достаточно включить телевизор. Мой отец, по крайней мере, не прикидывается кем-то другим. Правда, обычно я сожалею об этом обстоятельстве. Это одно из тех проявлений противоречивости жизни, о которых я недавно здесь говорил.

Так или иначе, скоро я увижу, какое у него сегодня лицо. От него ведь не знаешь, чего ждать: иногда он просто очаровашка, а иногда – словно с цепи сорвался. Мой отец громко разговаривает, громко смеется, громко кричит. А если бьет, то со всего маху. В общем, это сильный человек. И в чем-то даже опасный. Но бывают моменты, когда он не похож на других отцов, и за такие моменты я ему прощаю все. Например, мы едем в машине, останавливаемся на красный свет, и он вдруг начинает барабанить по рулю, словно бьет в тамтам, и петь африканские песни, понятия не имею, откуда он их взял, наверно, услышал по «Антильскому радио», когда среди ночи возвращался от какого-нибудь клиента, – кстати, мой отец не расист, говорю об этом, только чтобы избежать недоразумения, а не хвастовства ради. Он распевает во все горло, так, что оглохнуть можно, но с такой улыбкой, что даже самому унылому на свете типу стало бы весело. А еще он любит танцевать. Стоит мне в воскресенье утром поставить диск с одной из этих дурацких старых песенок, от которых почему-то щемит сердце – правильнее было бы растрогаться от Моцарта или Баха, но надо же, вам хочется плакать от Мишеля Сарду или Алена Сушона, – ну вот, стоит мне поставить такой диск, как он бежит за мамой, тащит ее в гостиную (вернее, тащил, когда у нас еще была гостиная) и предлагает потанцевать. Для виду она сначала отбивается со всякими там «О, Бернар!» или «Мне некогда, надо приготовить поесть», но он с мягкой настойчивостью удерживает ее в объятиях, и она машинально начинает двигаться в такт музыке. Наверно, это как раз то, что нравится женщинам, – мягкая настойчивость.

И вот они медленно танцуют, тесно прижавшись друг к другу, а я, единственный зритель, смущенный, но довольный, наблюдаю за этой минутой нежности. Не знаю, любят ли они друг друга сейчас, были ли влюблены друг в друга раньше, – честное слово, не знаю. Какая-то сила, словно мощный электромагнит, притягивает их друг к другу, я это вижу и думаю, что они

никогда не смогут расстаться. Но любовь – например, моя любовь к Полин – это все же что-то другое. По-видимому, любовь между двумя людьми с годами меняется, как вино: бывает, она превращается в уксус, а бывает, становится только крепче. И мои родители, похоже, никак не могут определиться, который из этих двух вариантов им подходит.

Вторник 20 марта

В лицее, в общежитии для девочек, есть гостиная с телевизором. Сегодня показывали теннис, обожаю это смотреть, теннис – мой любимый вид спорта. И тут, вроде как бывает на Рождество (хотя вообще-то я Рождество терпеть не могу), я получил благословение с небес: в гостиную вошла Полин и уселась недалеко от меня. Представляете? А ведь это чистая правда. Жизнь, она такая: может заставить розу расцвести на навозной куче, причем в момент, когда ты меньше всего в это веришь, – это одна из теорий моего папы. Полин появилась так, словно я позвал ее всем своим существом, и она в итоге услышала этот зов. Вдобавок, судя по ее лицу, она была в восторге от зрелища на экране. Никогда не знаешь, как завязать разговор с кем-то, кто тебе нравится, в голове крутится миллиард разных фраз, но ни одна не кажется тебе подходящей; примерно так же я решаю, в каком костюме пойти на вечеринку, где будут девочки, – всегда затрудняюсь с выбором: правда, костюмов у меня не миллиард, а максимум два. Примеряю один, смотрюсь в зеркало – вида никакого, фигура нескладная, то ли ноги слишком короткие, то ли голова слишком большая, честное слово, такое ощущение, будто видишь свое отражение не в зеркале платяного шкафа у себя дома, а в кривом зеркале из «комнаты смеха» в парке аттракционов... Короче, тоска зеленая.

Разговор с Полин завязался без проблем: ясное дело, речь пошла о теннисе – удар справа, удар слева и все такое. Она сказала, что ей очень нравятся шведские теннисисты. Для меня это стало большим ударом, поскольку внешность у меня совсем не скандинавская, но я остался абсолютно невозмутимым, как шведский теннисист – они ведь никогда не волнуются. Она была такая милая, забавная, и высказывалась очень точно. Есть люди, которые выражаются туманно, употребляют слишком общие термины, неопределенные прилагательные, а вот она (знаю, я необъективен, но тем не менее) говорила ясно и четко, это напоминало звук только что настроенного рояля. Она заметила, что у шведа при каждой подаче во второй попытке мяч недобирает скорости, и еще у него удар слева только одной рукой, а не двумя, как обычно, и из-за этого он практически не может отбивать слева на уровне плеча. Чувствовалось, что она – настоящий специалист. Я слушал как замороженный. А когда она объяснила мне, что противнику шведа, американцу, надо бы отойти подальше от сетки, чтобы можно было сыграть с лёта и обезопасить себя от кроссов шведа, я влюбился. Хотя вообще-то был влюблен в нее еще с тех пор, как она подняла мой шарик для пинг-понга. Скажем так: влюбился заново. И в ту же минуту понял, что буду влюбляться каждый раз, как увижу, а после очередной встречи жить ожиданием следующей. И это теперь станет моей жизнью, и хуже всего, или, наоборот, лучше всего, что такая перспектива мне нравится, абсолютно меня устраивает, наполняет меня радостью.

Мы смотрели матч минимум до окончания первого сета, после которого еще был тай-брейк. Я молился, чтобы швед и американец играли как можно дольше. В конце концов она спросила, в каком я классе, кто мои учителя и так далее. В общем, задавала личные вопросы, нет, правда, я заинтересовал ее. Хотя по ее зрачкам это было незаметно – они совсем не расширились. Не могу не упомянуть этот негативный момент: надо же быть хоть сколько-то честным. Зато улыбалась она как положено, я насчитал целых три улыбки, настоящие, до ушей, в частности, когда я рассказал ей историю про учительницу математики, и оказалось, что у нас с ней одна и та же! Эта математичка, если присмотреться, очень красивая женщина, хотя сначала я не обратил на нее внимания, потому что для меня она слишком старая, ей, должно быть, от сорока до пятидесяти, но у нее какая-то особенная, чуточку холодная красота. Однажды она весь семестр приходила на урок в элегантных брюках из бежевой фланели с расстегнутой молнией спереди – а молния была очень длинная. Так что мы видели ее кружевные трусы, и даже то, что было под трусами, благодаря эффекту прозрачности, как выражается наш учитель

рисования. Должен вам признаться: в эти дни я ни черта не усваивал из ее объяснений, не помнил даже, о чем шла речь, об извлечении квадратного корня или о формулах сокращенного умножения. Потому что самое интересное было не на доске, а в другом месте – думаю, вы меня поняли.

Моя история здорово насмешила Полин, и я подумал, что набрал несколько очков. Это было приятно, она смеялась громко, от души, мне нравится громкий смех, я сам смеюсь громко. Правда, не так оглушительно, как мой папа и мой брат: наверно, у нас это семейное. И в этот момент она показалась мне родным человеком. Но одновременно красавицей. Что представляется неким парадоксом, если принять во внимание внешность моей родни. Надо сказать, не все в моей семье особо привлекательны, но об этом поговорим в другой раз. Короче, это был лучший учебный день в моей жизни, но она должна была скоро уйти, а я не знал, случится ли нам с ней еще поговорить или нет. И тогда я стал ломать голову, как бы назначить ей свидание, искать для этого предлог – например, я мог бы дать ей почитать книгу, а потом ей пришлось бы мне ее возвращать, и мы встретились бы опять, но сейчас у меня с собой была только одна книга, притом совершенно неподходящая – учебник биологии. Я подумал: может, пригласить ее выпить бокал вина «У Бориса» (это кафе при лицее) или пойти со мной в кино, – однако мне показалось, что для первой встречи это было бы рановато. И я стал просто смотреть телевизор. Но интуиция подсказывала мне, что она вот-вот встанет и уйдет. Швед только что выиграл на тай-брейке, предыдущий сет он взял с сухим счетом, так что следующий будет простой формальностью, это сказал комментатор. Не очень-то умно с его стороны так расхолаживать зрителей, и в частности, девушку моей мечты. Теперь ничто не удерживает ее в этой комнате.

Она взяла куртку, сказала, что ее зовут Полин и что было очень круто общаться со мной. Вот бы нам еще поцеловаться на прощание, подумал я, это было бы потрясающе, хотя, признаться, и несколько неожиданно. Она встала и ушла, сказав «до скорого», но мне показалось, что для меня это будет очень нескоро. Я вспомнил о собаках, которых бросают на автострадах летом, в начале сезона отпусков, о старых собаках, которых оставляют одних дома в августовскую жару, вспомнил репортаж о сиротском приюте в Болгарии, я все это видел в теленовостях, а еще о Робинзоне Крузо, который остался один на необитаемом острове, короче, мне стало очень скверно на душе, когда она ушла.

Среда 21 марта

Сегодня утром я встретил Полин в коридоре лица, она улыбнулась мне издали, только и всего, но у меня в груди вдруг стало очень горячо, не смогу толком это описать, вроде как волна радости захлестывает вас, накрывает с головой, и у вас на лице появляется выражение абсолютного счастья. Словно вы получили ответ сразу на все вопросы. Должно быть, любовь – это и есть ответ сразу на все вопросы. Наверно, я где-то прочел эту фразу, а может, ее произнес священник во время рождественской мессы, мои родители становятся религиозными раз в год, 24 декабря, мы ходим на ночную мессу, надо же чем-то себя занять, пока переваривается индейка, а там настанет время и для рождественского торта, – но у меня, в моем теле, это ощущение возникло впервые. Одно дело верить, и совсем другое дело – знать. Думаю, любовь, а возможно, и Бог – это нечто такое, что надо испытать на самом деле, а не вообразить, не предугадать, не увидеть в мечтах после чтения гороскопа. Мне всегда кажется, что пытаться заставить нас поверить в Бога – все равно что пытаться заставить глухих поверить в Моцарта.

Короче, выиграй я турнир Ролана Гарроса, я и то не был бы доволен так, как в тот момент, когда Полин улыбнулась мне в коридоре. Но секунду спустя я задумался: а что она чувствует ко мне? Простую симпатию, слабо выраженное влечение? А может, я кажусь ей забавным, и все? Возможно ли в принципе понравиться кому-то, кто нравится вам? У меня, например, это никогда не получалось. Допустим, Полин не так нереально прекрасна, как девушки в журналах, у нее не та красота, от которой можно умереть, зато от ее красоты хочется жить. Потому что Полин настоящая. Потому что она дышит, у нее бьется сердце. Потому что она дрожит, когда ей холодно. Потому что у нее так ярко блестят глаза. Короче, я даю ей двадцать баллов из двадцати. А сколько дала бы мне она? Наверно, я получил бы среднюю оценку... Одиннадцать или двенадцать баллов. Или вообще ноль. Или девятку.

Я взял на стоянке лица велик, сел на него и покатыл домой, а по дороге прокручивал в голове все эти мысли. Сначала я ехал по велосипедной дорожке, потом свернул в лес. Мой лицей стоит на опушке, поэтому приходится каждый день проезжать краем леса. Иногда я еду очень быстро, жму на педали изо всех сил, скорость опьяняет меня, и наступает что-то вроде экстаза. Я уже изучил на этих тропинках каждый камень, каждый корень, каждый склон и каждую рытвину, знаю, когда взять вправо, когда приподнять ягодицы над седлом, ускорить или замедлить темп. Осенью тропинки покрыты слоем опавших листьев, часто влажных и скользких, поэтому я стараюсь не тормозить слишком резко. Сегодня я ехал медленно, поскольку никуда не торопился, и чувствовал, что меня переполняют надежды. Сейчас конец зимы, и природа словно замерла, но в этой тишине и в этом холоде она готовится к приходу весны. Я слышал, как с легким поскрипыванием подо мной раскачивается велик, слышал карканье вороны, перелетавшей с верхушки одного высокого старого дуба на другой.

Когда я приехал домой, мама уже ждала меня к полднику. Она приготовила мне кружку растворимого кофе с тартинками, это мой обычный полдник, к которому иногда добавляются четыре квадратика от плитки шоколада или блюдечко варенья. Мама обожает шоколад, поэтому иногда она съедает всю плитку, а мне достается только варенье. Если я ворчу, она говорит, что ей в детстве приходилось гораздо хуже, и начинает рассказывать про свое детство. Конечно, жизнь у нее была хоть и не такая тяжелая, как у Козетты в «Отверженных», но тоже не сахар, отец работал на железной дороге и сильно болел, в доме не было холодильника, новое пальто ей покупали раз в три года, а теперешние бедняки ходят в кроссовках «наик», которые стоят целое состояние, добавляет она. Я обеспечиваю тебе гораздо лучшую жизнь, чем была моя собственная, говорит она, и ты должен меня за это благодарить. Убийственный аргумент! Что, по-вашему, тут можно возразить?

После полдника, когда я сел за уроки, мама достала из шкафа хорошо известную мне картонную коробку с фотографией белокурой девушки на крышке, и сказала, что пора бы покраситься, потому что уже вылезают темные корни. Это, наверно, моя самая большая тайна, стоит только вспомнить – и я готов расплакаться. Раз в месяц мама осветляет мне волосы. Она это делает с тех пор, как мне исполнилось семь лет. То есть уже больше половины моей жизни. Вначале я был не против, я испытывал примерно то же ощущение, как когда мне стригли ногти. Но с возрастом я стал спрашивать у родителей, зачем это нужно. Папа и мама редко соглашались друг с другом, но тут они единодушны: на их взгляд, мне больше идут светлые волосы. Я не смог бы ни с кем посоветоваться по такому поводу, мне слишком стыдно, вот я и позволяю ей раз в месяц красить мне волосы. Но мне это дело не очень-то нравится. Однажды, когда я учился в начальных классах, она покрасила меня в обеденное время, а потом мне надо было возвращаться в школу. И там одна девчонка стала меня дразнить: «Эмиль стал блондином!» Орет и орет без передышки: «Эмиль стал блондином! Эмиль стал блондином!» Я не знал, куда мне деваться.

Года два назад, перед тем как я поступил в лицей, мама предложила мне больше не краситься. Она сказала: «Если, по-твоему, пора перестать, давай перестанем, хотя и очень жалко». Я долго раздумывал над ее словами. И в конце концов сказал, что согласен краситься и дальше. Я предпочел бы быть привлекательным при моем натуральном цвете волос, но, похоже, это удел немногих счастливых, остальные вынуждены приспособливаться. Когда сегодня мама напомнила, что пора осветлять волосы, я вдруг подумал о Полин: мне не очень-то хотелось, чтобы мама меня красила, но с другой стороны, возможно, это был единственный шанс ей понравиться. Я был как чистый лист бумаги, разорванный пополам. Мама воспользовалась этой минутной нерешительностью – иногда мне кажется, что вся моя жизнь – сплошная минутная нерешительность. Кроме тех моментов, когда я вдруг чувствую, что начинаю тонуть. Это бывает регулярно, как дождливые дни, нет, даже чаще, если со мной неожиданно случается что-то скверное, я получаю оплеуху, или пинок под зад, или переживаю публичное унижение, типа: «Пришел на урок плавания и забыл плавки, так будешь плавать в трусах», – это такое жестокое наказание, и оно так быстро приводится в исполнение, что просто уничтожает тебя. Голова оказывается под водой, ты погружаешься все глубже и, кажется, никогда не нащупаешь дно.

Мама посадила меня на стул, положила мне на плечи большую чистую салфетку, край которой загнула у основания шеи и засунула под ворот футболки, чтобы она не ерзала из стороны в сторону, а футболка не так сильно намокла. После этого смешала жидкость из маленького флакона с содержимым большого, несколько раз сильно встряхнула его; затем надела прозрачные пластиковые перчатки и начала намазывать мне волосы своим колдовским зельем. Каждый раз она еще и массирует мне кожу головы – это лучшая часть процедуры, потому что массаж приятно расслабляет. И еще потому, что это сближает нас, а такие моменты у нас бывают редко. (Только это наш секрет.) Однажды, когда флакон опустел, или почти опустел (не всегда следует брать полную порцию), мама посмотрела на часы и ничего не стала делать. Мы просто сидели и ждали. Причем ждали молча. При этом нельзя двигаться – если шелохнешься, все кругом будет в краске, вот ты и сидишь неподвижно, как в детской игре «раз-два-три – замри!». То есть это я полностью неподвижен, у мамы все же есть какое-то пространство для маневра, но ей надо быть осторожной с перчатками, на которых полно зелья.

Чем дольше ждешь, тем светлее становятся волосы, поэтому важно не ошибиться с дозировкой. Как-то раз мы не выждали, сколько надо, и, по мнению мамы, все ее усилия пропали даром. А если ждать слишком долго, волосы станут желтыми, как солома, – передать не могу, какой это будет кошмар. Поэтому я всегда прошу маму закончить окрашивание раньше времени, чтобы свести риск к минимуму: тут приходится быть настойчивым, это вопрос характера. После окрашивания мама смывает зелье горячей водой, запах от него своеобразный, надо

открывать окно и долго проветривать. Наконец, мы высушиваем волосы и смотрим, что получилось. Это такой напряженный момент! Вы не представляете, как мне страшно, когда я подхожу к зеркалу: вдруг я увижу там чудовище? Или Клода Франсуа. Но в тот раз цвет получился неплохой. Ну, во всяком случае, не яркий. Что называется, пепельный.

Иногда я говорю папе, что мне не нравится краситься, что это все же как-то неестественно, а он отвечает, что это, наоборот, очень даже естественно, потому что у меня кожа блондина. К тому же у него самого в детстве были очень светлые волосы, так что мы просто исправляем небольшую погрешность природы. Как если бы моя изначальная ДНК потерялась по дороге, и эта уловка открывала мне доступ ко всем моим генетическим сокровищам. Папа любит громкие фразы; когда у него приступ красноречия, он не всегда знает, что именно хочет сказать, но это его не пугает, он с энтузиазмом берется за дело и в итоге более или менее ловко выкручивается. Наверно, это у него профессиональная деформация личности. В итоге у меня в голове все смешивается – доводы за и против, «вероятно» и «вряд ли», «наверно» и «возможно», но завершается наша дискуссия всегда одинаково – появлением какого-нибудь нового оттенка, и каждый следующий светлее предыдущего. Так или иначе, для меня главное, чтобы об этом никто не догадался. И если однажды кто-то, кроме меня, прочтет эти строки, – а случиться может все, и разрушительное землетрясение из-за сдвига тектонических плит, и мощный ядерный взрыв с массовым исходом беженцев (статистика безжалостна: такое МОЖЕТ произойти), и даже поспешный и беспорядочный переезд с квартиры на квартиру, короче, если кто-то раскроет эту тетрадь, пусть он никому и никогда не рассказывает, что мне красят волосы. В американских фильмах парню, который хочет помешать чьей-то свадьбе, обычно говорят: либо выкладывай все сейчас, либо умолкни навсегда, а я скажу так: будь добр, захлопни пасть и держи ее на замке до скончания века. Если проболтаешься, я в ту же минуту умру от позора.

Пятница 23 марта

Когда я сегодня утром во дворе лица опять встретил Полин, ее взгляд задержался на моих волосах, или, по крайней мере, мне так показалось. К счастью, она не стала говорить об их цвете, а то бы я рассыпался на мелкие кусочки от ужаса. Возможно, я становлюсь параноиком. Клянусь, я отдал бы все на свете за то, чтобы в этот момент у меня на голове была бейсболка, пожертвовал бы на благотворительность все свои деньги, теннисные ракетки и даже коллекцию киноафиш. Кроме афиши «Таксиста» – извините, но эту я оставляю себе. Дело даже не столько в афише, сколько во фразе, которая написана на ней по-английски. Я ее перевел: «На каждой улице каждого города в этой стране есть ничтожество, мечтающее стать кем-то». Вообще-то по-английски это звучит лучше. И видишь Роберта Де Ниро, который в полном одиночестве идет по улице бедного квартала. Он выглядит грустным. Я часто чувствую себя в точности так же, как этот таксист, хоть у меня и нет еще водительских прав. Но в тот день, когда Полин заговорила со мной, у меня было ощущение, что она села в мое такси, на переднее сиденье, и теперь мы с ней совсем рядом.

Полин спросила, буду ли я смотреть финал турнира в Монте-Карло. Она готова поставить на шведа, а я, если захочу, могу поставить на его противника. Я согласился, даже не назначив ставку. Она сказала, что тоже не знает, сколько поставить, ей не хотелось вымогать у меня много денег, она употребила именно этот глагол, «вымогать», я уже говорил, что она выражает свои мысли с предельной точностью. Она как будто не сомневалась, что выиграет. Я сказал, что заранее ничего выиграть нельзя. Эта фраза вырвалась у меня помимо воли: надо сказать, это единственное, в чем я твердо уверен, – заранее выиграть нельзя, и более того: все выигранное можно потом проиграть. Мы ничего не можем удержать, события выскальзывают у нас из рук, словно песок, высыпавшийся между пальцами, жизнь похожа на песочные часы, движение есть, но ничего по сути не меняется, и все наши мечты высыплются с этим песком. Но Полин я об этом не сказал, потому что не хотел портить ей настроение и не хотел показаться парнем, который перешел на темную сторону силы. Зато у меня появилась блестящая идея. Я сказал, что мы можем поспорить на кассету с любимым фильмом каждого из нас. Она была не против, но сказала, что у нее слишком много любимых фильмов. И тут я обнаружил, что она любит кино почти так же сильно, как я. Это была лучшая новость года. Она словно увеличила мою продолжительность жизни до двухсот лет. Или, вернее, укрепила надежду выжить, потому что если продолжительность жизни в мире неуклонно возрастает, то надежда выжить, наоборот, уменьшается и хиреет. По крайней мере, таково мое мнение.

Итак, у нас с Полин начался разговор о кино, и, благодаря свету, появившемуся в ее глазах, особым интонациям в ее голосе и словечкам, которые она употребляла, я почувствовал, что ей, как и мне, кое-какие фильмы насущно необходимы, в них описывается мир, где она хотела бы жить. Как будто в темноте кинозала у нее и у меня рождались одни и те же мечты: фильмы Вуди Аллена, фильмы Стивена Спилберга, «Челюсти» и «В поисках потерянного ковчега», и еще Мартин Скорсезе, и особенно Стенли Кубрик, затем итальянские фильмы типа «Кинотеатр «Парадизо», фильмы Годара и Трюффо, Клода Соте и даже «Дерзкая девчонка» Клода Миллера, который, похоже, нравился ей так же сильно, как и мне, особенно сцена, где Шарлотта Генсбур говорит, что окружающий мир «грубый и резкий». Просто невероятно, как сближают людей общие кинематографические вкусы. Гораздо сильнее, чем, например, кулинарные пристрастия. Пока Полин говорила, я мог рассмотреть ее вблизи, и, честное слово, она нравилась мне все больше и больше, думаю, я не чувствовал ничего подобного с тех пор, как родился. Сама того не зная, Полин положила конец пятнадцати годам одиночества. Не могу передать, какое облегчение я испытал.

Только одно меня беспокоило: у меня создалось впечатление, что Полин – из обеспеченной буржуазной семьи, хотя и старается это скрыть. Для меня, прошу заметить, слово «буржуазный» – комплимент. Но в этом кругу не любят выходцев из другой среды, вот я и решил не распространяться о своем происхождении, напустить туману, когда она спросит, чем занимаются мои родители. А главное, я сообразил, что не смогу пригласить ее в гости, по крайней мере в ближайшие полгода. Пока не будет готов наш дом. Потому что я забыл упомянуть одну маленькую деталь. Вообще-то это жутко стыдное дело, еще стыднее, чем крашенные волосы. Или, во всяком случае, ничуть не лучше. Но и то и другое сразу – это уже настоящий кошмар. Итак, в данный момент мы все, мама, я и папа, когда он приезжает на уик-энд, – в общем, все мы живем в трейлере на участке, где строят наш дом. Папе приходится снимать маленькую однокомнатную квартирку в Париже, чтобы было где ночевать, а на аренду еще одного жилья, здесь, в Монтаржи, денег не хватает. Зато у нас есть трейлер, на котором мы ездим на каникулы, – да, колесим по стране, как цыгане, – вот мы и решили поставить его возле стройплощадки и жить в нем, пока дом не будет готов. Хотя я-то, собственно, ничего не решал, когда у меня спросили, как я отношусь к этой идее, я ответил, что лично я не восторге, а они сказали, что у них нет выбора. Это называется «договориться по-семейному». Папа считает, что жить на площадке удобно: хочешь узнать, как продвигается строительство, – погляди в окно трейлера.

Однако была в этом и неприятная сторона. Люди с нашей улицы сразу стали относиться к нам хуже. Во-первых, мы из Парижа, а парижан в провинции недолюбливают. Наш городок всего в ста километрах от столицы, но парижан здесь считают суетливыми, нахальными, думающими только о себе, одним словом, полными придурками. И вдобавок мы еще живем в трейлере. Люди с нашей улицы запретили своим детям дружить со мной. Нет, эти ребята не шаркались от меня, просто они стали соблюдать дистанцию, как на автостраде, где машины едут на безопасном расстоянии друг от друга. Должен сказать, моим родителям глубоко плевать на разные там «принято – не принято». Иногда я соглашаюсь с ними, но в принципе я это не одобряю. Потому что у них нет друзей, нет никакой тяги к общению, им это неинтересно. А значит, в этом смысле им нечего терять. Но я – другое дело. Для меня дружба – единственная территория, где можно укрыться от всех войн, где всегда действует перемирие. Я не идеализирую, я знаю, что это так. Вот, например, Жереми никогда не предавал меня. Ему все равно, что я живу в трейлере. И он никогда никому об этом не рассказывал. Мы можем часами играть в настольный футбол или электрический бильярд, не произнося ни слова, и молчание нам не мешает. Можем хохотать, разговаривая о девчонках, можем сто раз подряд прошагать улицу Дорэ из конца в конец и обратно. У него есть любимая шутка: когда мы гуляем, он вдруг говорит: «Гляди, какая классная девчонка!» Я оборачиваюсь, а там – древняя старушенция. И чем она уродливее, тем громче мы смеемся. Жестокость, как и общие кинематографические вкусы, сближает людей.

Полин предложила встретиться в понедельник на перемене в 10:15 и подвести итоги нашего пари. А мне начхать на итоги, у меня свидание с Полин, значит, я уже выиграл. Я даже предпочел бы, чтобы в матче победил швед: тогда я смог бы сделать ей подарок. Говорят, тяжелее всего отдавать, а мне тяжелее всего получать. Наверно, потому, что мне надарили кучу никомушных подарков, и я потерял надежду получить что-то стоящее.

Я думал, она сейчас уйдет, но она предложила пойти с ней к автомату с конфетами и печеньем, ей захотелось чего-нибудь сладкого. Я пошел с ней на крытую галерею, где стоял автомат, она купила себе «ментос-форте» и протянула мне одну пастилку. Я терпеть не могу мяту, но, конечно, взял пастилку и положил в рот. Мне так хотелось, чтобы у меня во рту сделался такой же вкус, как у нее, а другого средства для этого пока не было. Я посмотрел на ее губы и сказал себе: может быть, однажды я ее поцелую. Идея мне очень понравилась – и это еще слабо сказано. Будет, как поется в «Марсельезе»: «день славы наступил». Только в «Марсельезе» днем славы называется день, когда все должны идти на войну и убивать. Не

понимаю, как песня, в которую вкралась такая ошибка, может быть национальным гимном. Для меня единственный в мире день славы – это день, когда целуешь любимую девушку. Со мной еще такого не случилось, но я знаю, это так. Все остальное – победы, поздравления членов жюри, крупные купюры на карманные расходы, покупка игровой приставки – не идет ни в какое сравнение с этим.

Зазвенел звонок: мне надо было идти на географию, а ей на физкультуру. Она сказала мне, что заранее чувствует себя, как выжатый лимон, потому что сегодня будет легкая атлетика, а это у нее не самая любимая дисциплина. В самом деле, смешно смотреть, как девчонки пытаются заниматься метанием тяжелых снарядов. Их главная забота – не уронить эти штуковины себе на ноги. Мы с Жереми обожаем смотреть на это и потешаться над ними. Когда девочки из предпоследнего класса занимаются метанием копья, можно умереть со смеху. Я представил себе Полин в спортивном костюме, пытающуюся метнуть диск или копье, однако от этого она не стала казаться мне менее привлекательной. Плохо начинаю, сказал я себе, потерял всякую объективность. Она ушла, не улыбнувшись, просто сказав: «До понедельника». Уик-энд будет тянуться до бесконечности.

Понедельник 26 марта

В воскресенье я смотрел теннис у нас в трейлере. Папа и мама ушли погулять по лесу, они уговаривали меня пойти с ними, потому что погода хорошая, но я отстаивал свою позицию – это выражение словно нарочно придумано для нашей семьи. На этот раз они отвязались от меня сравнительно быстро. Должно быть, обрадовались возможности побыть вдвоем. После очень драматичной партии шведа разгромили в трех сетах. Итак, я выиграл пари, но мне было грустно, что Полин его проиграла. Поэтому вечером я все же положил в рюкзак кассету с фильмом, который решил подарить Полин, чтобы утешить ее.

После долгих раздумий я выбрал «Эту прекрасную жизнь» Фрэнка Капры: вряд ли можно было найти более подходящее название. Фильм старый-престарый, но в нем столько оптимизма, что он наверняка поднимет ее моральный дух. С 8 до 10 часов у меня было два урока математики – шикарное начало недели, лучше не придумаешь. Я гадал, какой фильм она для меня выбрала. Боялся, что она не захватила его с собой, боялся, что она отменит пари, боялся, что она злится на меня из-за того, что швед проиграл, и будет держаться холоднее, чем в пятницу. Иногда с девчонками сначала делаешь три шага вперед, потом три шага назад, надо к этому применяться. Когда математичка вызвала меня к доске решать уравнение, я забыл, в какую степень надо возвести числа, перепутал икс и игрек, не смог ничего решить и опозорился. Потом с отвращением вернулся за парту, но то обстоятельство, что в 10:15 я увижу Полин, отодвигало все остальное на задний план – или, проще говоря, на остальное мне было начхать.

На перемене я пришел на то место, где мы договаривались встретиться, и стал ждать. Десять двадцать, десять двадцать пять, десять тридцать, Полин не пришла. Я подумал: может, она не любит честную игру, может, забыла о нашей встрече или перепутала день, может, она заболела, или же решила, что не стоит терять время на ничтожество вроде меня, – в общем, перебрал в уме все возможные объяснения, и последнее показалось мне самым правдоподобным. Она опомнилась, осознала, что во мне нет ничего, что заслуживало бы внимания. И к тому же я некрасивый. Мы не обменялись номерами телефонов, я не был знаком ни с одной из ее подруг, и сейчас мне оставалось только уныло сидеть, засунув руки в карманы и делая вид, что у меня все в порядке. Но это была неправда. Прозвенел звонок, и я вернулся в класс совершенно подавленный. До большой перемены я ничего не слушал и не записывал.

Я наскоро поел в столовой и вернулся на то же место, но Полин не появлялась. Я подумал: а вдруг она умерла? Хотя мы бы об этом знали: как-то раз один из учеников лицея умер от лейкемии, и во всех классах в его память провели минуту молчания. Странно все-таки, когда человек умирает в шестнадцать лет: словно его наказали за страшное преступление, которое он даже не успел совершить. И потом, минута молчания – это нелогично. А правильно было бы, если бы мы в продолжение этой минуты вопили во всю глотку. Это бы больше утешило нас – такой вот коллективный вопль всех учеников лицея, который поднялся бы к небу и дал понять: мы не согласны, люди не должны умирать такими молодыми, нам от этого больно. Короче, если такое случилось с Полин, минуту молчания в ее память проведут завтра, когда будет объявлено о ее смерти. В конце концов я пошел домой. Ну, то есть в трейлер.

Когда я пришел, мама сидела на диванчике, заливаясь слезами, а на столе перед ней лежало письмо. Мама сказала, что нам не дали разрешения на постройку дома, так как мэрия собирается реквизировать наш участок для строительства нового здания почтамта. Мы вырыли огромную яму на месте сада, купили блоки для фундамента, нам пришлось выкопать великолепную старую вишню, все было готово для того, чтобы возводить стены нашего дома, и вот оказалось, что у нас нет на это права. Это было административное решение. Я спросил маму: неужели мы теперь всю жизнь будем жить в трейлере? Она сказала, что не знает, что ей надо

поговорить с папой, пока ей не удалось с ним связаться, но они обязательно что-нибудь придумают. Но если все подтвердится, это будет большой бедой для нас, потому что мы вложили в это строительство все деньги, какие у нас были. И нам действительно придется долгое время жить, как в кемпинге, а ее такая ситуация совсем не радует. В этот момент я понял, что жить в трейлере ей так же противно, как и мне. И даже если она по видимости смирилась с тем, что, как часто повторяет папа, «в переходный период нельзя обойтись без неудобств», такая жизнь с каждым днем все больше походила на поражение. Хотя она мужественно выдерживала неприязненные взгляды соседей, какая-то часть ее души при этом страдала. Нельзя закупориться наглухо от окружающего мира, даже пластиковые контейнеры для продуктов с гарантированной герметичностью сами собой лопаются в холодильнике. Мама потеряла выдержку так быстро, что я совсем растерялся.

Ну и денек выдался, все пошло вкривь и вкось, начиная с непонятого исчезновения Полин. Мама плакала, и утешить ее никак не получалось. У меня каждый раз сердце разрывается, когда я вижу ее слезы, на меня наваливается невыносимая тоска, и в какой-то момент я вдруг чувствую, что и в моих глазах стоят слезы. Я все-таки съел полдник, потому что, перекусив в школьной столовой, чувствовал себя не вполне сытым, и еще потому, что шоколад немного успокаивает. Мама, которая уже успела слопать целую плитку, велела мне садиться за уроки, но, как вы понимаете, у меня было слишком тяжело на сердце, да и голова была недостаточно ясная. Она повысила голос, однако я решил не возражать ей. И для виду сел за стол, но делать уроки не собирался. Я подумал о маме Полин, с которой я не был знаком и которой сейчас тоже должно быть очень грустно, если мои худшие опасения сбылись. Отчего могла умереть Полин? Наверняка это был какой-то тяжелый внезапный недуг, ведь еще в пятницу она была в добром здравии. Аневризма аорты, остановка сердца, наезд тяжелого грузовика? Хотя по большому счету это уже неважно, разве что для тех, кто будет проводить вскрытие и заниматься похоронами: их задача может стать сложнее. А может, я вообще зря волнуюсь? Может, Полин просто забыла про меня, у нее нашлись дела поважнее, а главное, знакомые поинтереснее. Да, это была самая правдоподобная гипотеза.

Вечером мы с мамой смотрели телик, показывали эстрадный концерт, там все притворялись, что им ужасно весело, или, наоборот, грустно, когда они пели грустные песни. Только не очень хотелось им верить. Маме наконец удалось поговорить с папой по телефону, он сказал, что они так просто не сдадутся, что нельзя смиряться с судьбой, и дом все равно будет построен. Маму это немного успокоило. А я пошел спать в дом напротив: я ночую не в трейлере, а в подвале у соседки. Я прихожу туда только спать и мыться. Для всего остального есть трейлер.

Я попытался убедить себя, что завтрашний день наверняка будет хоть сколько-то лучше сегодняшнего. Но мне не всегда удается себя убедить. В этот раз, перед тем, как меня сморил сон, мне стало так грустно, что я опять заплакал. Я обратился бы к какому-нибудь судье с просьбой о смягчении наказания, кажется, так делают, но, боюсь, мне по возрасту еще не положено. Честное слово, столько эмоций сразу – это слишком. Простыню я не намочу, я уже не такой маленький, а вот подушка у меня часто бывает мокрая. Не знаю, лучше ли это, во всяком случае, подушка сохнет быстрее, и запаха нет, так что не приходится назавтра загружать стиральную машину.

Вторник 27 марта

Спал я неважно, как и следовало ожидать. Проснулся от холода: я обычно оставляю форточку приоткрытой, чтобы не было душно, а ночью, должно быть, подморозило. Хотя ведь уже неделя, как наступила весна. Но надо было повторить себе это раз сто, чтобы поверить. После того как я встал, принял душ и оделся, я перешел улицу – вернее, тупик, который упирается в лес, – и залез в трейлер, стоявший у громадной ямы, где должны были построить наш дом. Там меня ждала кружка горячего шоколада. Когда я вошел, мама обняла меня – это было странно, когда я прихожу утром, она обычно ограничивается легким поцелуем. Я удивился и дал себя обнять. Признаюсь вам, мне не было неприятно, когда мой нос оказался между ее нежных грудей. Она явно была не в лучшей форме, если повела себя так. Я заметил темные круги у нее под глазами и понял, что в эту ночь она спала еще хуже меня. Мы не говорили ни о доме, ни о разрешении на строительство, делали все, как в самый обычный день. Но я постоянно думал о Полин, и потому, наверно, не вполне отдавал себе отчет, к каким последствиям приведет эта история с домом.

После шоколада мама подала мне противную теплую кашу, которую она называет «твои мюсли»: зерновые хлопья «био» с молоком, потому что, как ни трудно в это поверить, мы живем в трейлере, но питаемся продуктами «био». То есть здоровыми продуктами. И мне не приходится выбирать еду, потому что – мне часто об этом напоминают – у нас тут не ресторан. Честно говоря, можно было бы и не напоминать, я и так это вижу. В общем, иногда она дает мне с утра мюсли, они абсолютно невкусные, зато насыщают до самого полудня, можно не бояться, что в десять часов вдруг зверски захочется есть, брюхо набито под завязку. А если, на мое счастье, на завтрак у нас тартинки, то всегда из хлеба, который продают в магазинах «Здоровый образ жизни», такие коричневато-серые прямоугольники, точнее, параллелепипеды, с темной, очень плотной мякотью, их, наверно, легче пилить, чем резать: однажды нам пришлось пустить в ход электрический нож, в общем, это не хлеб, а блоки для фундамента.

А теперь – вишенка на торте: раз в год мне положен полуторамесячный курс магнезии. Родители где-то вычитали, что это очень полезно для мозга, а поскольку они уже поняли, что профессионального теннисиста из меня не выйдет, то решили сделать ставку на умственные способности. И в результате я пью большие стаканы воды, в которой растворен порошок с непередаваемым запахом (как бы его получше описать? Ну, скажем так: омерзительный). Каждый раз, когда мама ставит передо мной очередной стакан, очень хочется умереть. Я его выпиваю и, дернув головой, с жуткой гримасой на лице набрасываюсь на то, что осталось от мюсли, или на тартинки, чтобы перебить этот вкус. А мама, улыбаясь, говорит мне: как видно, они все же не такие уж противные, твои мюсли. Она садистка. Она часто повторяет: это пойдет тебе на пользу, но такими вот заявлениями можно здорово навредить. Даже если они приносят мне какую-то пользу, думаю, вреда от них больше. Или наоборот: я не знаю, чего тут больше, а чего меньше, все время думаю об этом, но не могу прийти к окончательному решению. Иногда жизнь бывает слишком сложной.

К счастью, курс магнезии у меня закончился в середине февраля. Когда наступил последний день курса, я почувствовал себя, как парень, который выходит из тюрьмы после тридцати лет заключения. Когда я выпил магнезию, мне тут же дали стакан апельсинового сока «100 % сока без добавок»: остальные соки, сделанные из концентрата, – это чистый сахар. Мама сказала, что в любом случае мы скоро перейдем на киви, потому что на самом деле в апельсиновом соке витамина С совсем не так много, как думали раньше. Сначала было, потом пропало: это можно сказать обо всем, что окружает нас в этом мире.

В нашей семье со здоровьем не шутят, мы принимаем все меры, чтобы оставаться бодрым, что называется, на пике формы. Я не имею права болеть, мама этого не потерпит.

Говорят, есть мамы, которые всячески угождают своим чадам, если у тех поднялась температура, но только не моя: в таких случаях она чувствует что-то похожее на брезгливость. Она воспринимает мое недомогание как свою личную недоработку. Нет, она не становится более жесткой, чем обычно, но и провоцировать ее тоже не стоит. Она ходит с таким видом, словно провалила какое-то важное дело. А поскольку она категорически против антибиотиков, то вместо лечения готовит мне овощные отвары и удваивает дозу магнезии, так что у меня очень быстро пропадает охота соблюдать постельный режим.

Папа вычитал в какой-то книге – он читает уйму книг, но, как правило, максимум до тридцатой или сороковой страницы, потому что дальше, как он утверждает, только все повторяется; не знаю, откуда он это взял, наверно, есть такая теория, но, во всяком случае, ему вполне достаточно: он может поддержать разговор на самые разные темы, рассуждая о книгах, которых на самом деле не читал, а лишь выхватывал из них кое-какую информацию... В общем, когда дело касается духовной пищи, он только поклевывает крошки, точно воробей. Зато когда подают обед, лопают так, что за ушами трещит. Но я не об этом. Папа вычитал в какой-то книге по психологии, что современное слово «болезнь» происходит от старинного «болеть», а то, в свою очередь, – от словосочетания «боль есть». И это не одна из тех дурацких шуточек, на которые он мастер и над которыми, должен признаться, я иногда смеюсь. Нет, тут смысл в том, что человек хочет сказать о терзающей его боли, но не может – или не знает, как это выразить. В нашей семье общаются без передышки, болтают без умолку: вот он, пик формы, и хлорид магния не нужен. Но этим утром, должен вам сказать, нам не очень хотелось разговаривать. Я доел завтрак до конца, мама терпеть не может остатков, а главное, мне не хотелось распространяться о том, что тревожило нас обоих.

Я взял велик и поехал через лес. Небо было грязновато-белое, между деревьями, в метре над землей, плывал легкий туман: при приближении он рассеивался. Некоторые вещи часто бывают видны только на расстоянии. Я энергично крутил педали, времени до начала уроков оставалось не очень много. Холодный воздух покалывал щеки, голова мерзла. Весь тупик, до леса, пока мама может меня увидеть, я обычно проезжаю в вязаной шапке, а в лесу ее снимаю. В этой шапке у всех дурацкий вид. Ну, не то чтобы у всех, я видел очень симпатичных девчонок, которые натягивали ее до бровей, и это привлекало внимание к их красивым глазам, но мне она совсем не идет.

Я доехал до велосипедного гаража, это огромное крытое помещение, где ученики лица оставляют велики, скутеры и мопеды. Поставил велик на обычное место и стал прицеплять к нему противоугонное устройство. Когда я снова поднял голову, передо мной стояла Полин: она ставила подпорку под новенький красный скутер и с мягкой улыбкой сказала мне: «Привет». Значит, она не умерла. Я тоже сказал: «Привет», но не знал, что говорить дальше, и в разговоре возникла пауза; наверно, я еще не совсем проснулся или был слишком удивлен, но она приняла это за выражение недовольства.

– Извини за вчерашнее, мамина машина сломалась, и я не смогла приехать в лицей. Зато вечером родители купили мне скутер. Классный, правда? – Я кивнул. – Мне жутко надоело каждый день приезжать сюда с мамой, для нее это хоть какая-то активность, ей очень скучно, а меня это уже достало, ведь это немножко стыдно, правда?

– Смотри какая машина, – ответил я.

– Нет, смотря какая мама, – возразила она. – Ты, наверно, решил, что я не плачу по своим долгам? – И вытащила из сумки кассету с фильмом Луиджи Коменчини «Непонятый». – Знаешь этот фильм?

– Нет, я его не видел.

– Он замечательный, я увидела его на полке – и сразу вспомнила о тебе.

Я не знал, что ответить.

– По-твоему, я похож на непонятого? – Я не продумал ответ, и он прозвучал достаточно сухо.

– Не знаю, я не говорю, что это ты, только я увидела кассету – и подумала о тебе.

– Так или иначе, спасибо. – Я достал свою кассету и протянул ей. Она улыбнулась.

– А по-твоему, при взгляде на меня кажется, что жизнь прекрасна?

И она рассмеялась. Мне так хотелось сказать: «Да, жизнь прекраснее, чем когда-либо, Полин, жизнь прекрасна уже потому, что в ней есть ты», но это было бы слишком, такой энтузиазм навел бы ее на мысль, что я к ней клеюсь. В любом случае у нее возникло бы подозрение. Или даже уверенность. Лучше было продвигаться вперед постепенно, как в покере, не рисковать всем слишком быстро. И я ответил, что случайно выудил эту кассету из стопки моих любимых фильмов. Она обещала вскоре посмотреть ее и рассказать о своих впечатлениях.

Мы прошли от велосипедного гаража до двора лица, впервые мы с ней шли вдвоем, пусть и на совсем крошечное расстояние; может, между двумя галактиками расстояние и больше, но мне показалось, что мы вместе проделали долгое путешествие. Когда мы проходили мимо того места, где должны были встретиться вчера, она спросила, долго ли я ее ждал и стал ли волноваться. Я представил все в смягченном виде, – нельзя же было ей сказать, что я подумал, будто она умерла от аневризмы аорты или попала под тяжелый грузовик: сейчас это показалось бы смешным. День явно начинался лучше, чем вчерашний. И тут произошло нечто невообразимое. Перед тем как попрощаться, она вдруг остановилась и улыбнулась мне:

– Слушай, а ты не хочешь посмотреть его вместе со мной? Завтра, после обеда? Или тебе будет скучно пересматривать его еще раз?

– Нет, мне не будет скучно, – ответил я, – обожаю этот фильм. Только где мы будем его смотреть?

– Ну как где: у меня дома. В среду после обеда я часто смотрю фильмы. У тебя запланировано что-то другое?

– Ммм... Постараюсь выкроить время, – ответил я с видом крайне занятого взрослого.

– Да? А что ты собираешься делать?

Вау, она что же, хочет меня подловить?!

– Извини, но я любопытная...

– Обожаю любопытных, – бросил я, не подумав о последствиях.

Ты слишком раскрываешься, Эмиль, сказал я себе, ты весь как на ладони, и еще пожалеешь об этом.

– Вообще-то я собирался поиграть в теннис, – выдавил я из себя наконец. И понял, что маленькая загадка, которую мне удалось создать, намекнув на мою будто бы занятость в среду после обеда, теперь сдулась самым жалким образом. В то же мгновение по ее лицу пронеслась тень разочарования. Я подумал о поезде, который на полной скорости пронесется мимо коровы, и я уже не знал, кто я – корова или поезд.

– Тогда до завтра, улица Карно, 27, в четыре часа – тебе удобно?

– Да, – сдержанно кивнул я.

И она пошла к главному зданию лица, как будто ничего не случилось, а ведь она только что пригласила меня в гости. Если бы она предложила мне жениться на ней, я и то не был бы так удивлен.

Ко мне подошел Жереми; он увидел меня с ней и решил подождать в сторонке, чтобы не мешать. Он настоящий друг.

– Ну как, дело в шляпе?

– Не думаю. Она классная, у нас общие вкусы, но я понятия не имею, что из этого выйдет, – попытался я убедить самого себя.

– Если ты можешь ее уделать, ты ее уделаешь, верно?

– Может быть. Но пока я ничего предпринимать не буду.

– Боишься сесть в лужу? – спросил Жереми, улыбаясь во весь рот. – Но с тобой такого не бывает! Да и что за важность, одной больше, одной меньше...

– Ты ошибаешься...

– Ну да, конечно, по сравнению со мной ты новичок! – хихикнул Жереми. Но это была неправда. Жереми парень очень сдержанный, а возможно, еще и закомплексованный. Он никогда не появляется с девушкой, даже не пытается с кем-то познакомиться, я уверен, что он еще ни разу ни с одной не целовался.

А вот я целовался, но это было в летнем лагере, там это легче, там сама атмосфера сближает, девчонка была не та, что мне нравилась, всего их там было три; две, на мой взгляд, просто потрясающие, но третья захотела этого сама, она улыбнулась мне, у нее расширились зрачки, и все такое. Я должен был соответствовать. Это происходило в июле прошлого года, в летнем лагере в Камарге, мы там катались верхом, играли в теннис, но главным образом тусили. И на одной из тусовок она потянула меня за собой, в парк, а там прислонилась к дереву и стала смотреть на меня, а вокруг уже темнело. Я обнял ее, и мы поцеловались. Мы старательно прижимали язык к языку и крутили ими по часовой стрелке, так долго, как только могли. Ее звали Стефани, у нее были веснушки, и ей было тринадцать, а мне ненамного больше. Я был доволен, что поцеловал ее рот в рот – так говорят об искусственном дыхании, которое спасает жизни. И в то же время, помню, я чувствовал себя как-то странно: там, у старого дуба, сердце у меня не забилося чаще, а ладони не стали влажными. Потому что хотя она была вообще славная и далеко не самая некрасивая из всех, но она была не той, что мне нравилась на самом деле. А это, конечно, не идеальный вариант для первого поцелуя. И я сказал себе: главное, чтобы история моей жизни не свелась к этому вечеру.

Среда 28 марта

Не буду описывать сегодняшнее утро, это совсем не интересно. Я напряженно думал, как одеться, это было просто ужасно, особенно если учесть тот факт, что гардероб у меня поменьше, чем у императрицы Сисси: возможные сочетания можно пересчитать по пальцам одной руки, и ни одно не подходит. Потом я нашел на плане города дом 27 по улице Карно. Это было недалеко, я мог спокойно доехать туда на велике. К 15:30 я уже добрался до нужного района и стал кружить по улицам в поисках дома. Это квартал, состоящий из одних только красивых домов, как будто они собрались тут по собственной воле и объединились в клуб, в некое содружество красивых старых домов из кирпича или массивных каменных блоков, с плющом на стенах и старинными ставнями на окнах, ухоженными садиками и высокими тенистыми деревьями. Именно таким был дом 27 по улице Карно. Он стоял на углу, в этом месте улица неожиданно делала крутой поворот, и за темно-зелеными воротами мне открылось великолепное здание, в котором было по крайней мере три этажа, а по сторонам росли две сосны и платан. Поскольку я приехал немного раньше времени, то решил объехать квартал еще раз, но не торопясь, чтобы не явиться взмокшим от пота.

Я позвонил в дверь ровно в 16:00, поскольку точность – вежливость королей, как говорят у нас (можно подумать, кто-то знаком с деталями королевской жизни). Где-то через сорок–сорок пять секунд ворота открылись, и я вошел. На крыльце появилась женщина, улыбнулась и сделала знак подойти ближе. Она была так же хороша, как Полин, брюнетка с матовой кожей, только лет на двадцать пять старше. Красота иногда захватывает вас врасплох. Очень элегантная, в простом, но удивительно эффектном зеленом платье с открытыми плечами и глубоким декольте, она чем-то напоминала Клаудию Кардинале в фильме «Однажды на Диком Западе» (я забыл сказать, что это мой любимый фильм), только в более утонченном варианте. Когда я поднялся по ступенькам, она протянула мне руку, легкую, нежную руку с тонким запястьем – короче, я был покорён. Зубы у нее были ослепительно-белые, словно она чистила их целыми днями с утра до вечера. А глаза карие, чуть более светлого оттенка, чем у Полин, но взгляд такой же пронизательный, один из тех взглядов, которые, скрестившись с вашим, задерживаются, не извиняясь и не смущаясь, но и ничего не ожидая, один из тех взглядов, которые нацелены только на вас. Кроме дочери, тут еще и мать, подумал я, плохо мое дело. Но чем ближе я к ней подходил, тем больше отдавал себе отчет в том, что она слишком стара для меня: при улыбке в уголках глаз и в углах рта появлялись мелкие морщинки. Когда она заговорила, я заметил, что она чем-то расстроена, хотя до сих пор успешно это скрывала.

– Ты, наверно, Эмиль? Входи, мы тебя ждем. – Я пошел за ней. – Можешь снять обувь?

– Конечно, мадам.

Она открыла дверь и впустила меня. Внутри было так же красиво, как снаружи, только еще чище. Паркет в гостиной блестел, как на рекламе паркета, хотя большую часть пола закрывал огромный ковер, на котором стоял бильярдный стол без луз, я впервые видел такой, всего с тремя шарами, двумя красными и одним белым, или наоборот, я уже не помню, а позади стола, в углу – диваны с бежевой обивкой.

– Пойду скажу Полин, что ты здесь, подожди меня на кухне, – сказала она и исчезла на лестнице.

Я стал разуваться. И остолбенел от ужаса: в одном носке была дыра. А ведь утром я два часа рылся в шкафу в поисках двух носков одного цвета и мало-мальски приличного вида: наверно, беда случилась во время пути, и теперь ноготь большого пальца на левой ноге открылся во всей красе. Дырявый носок в этом дворце – дело совершенно невозможное, тем более что я стремился максимально слиться с окружающей средой. Если бы даже я описался, мне и то не было бы так стыдно. Что же делать? У меня в голове теснились самые разные

гипотезы. Уйти внезапно, ничего не сказав? Нет, слишком грубо. Зажать носок между двумя пальцами, чтобы дыру не было видно, и держать его так все время? Миссия невыполнима.

Я вдруг ощутил огромную усталость, начал потеть, почувствовал себя беспомощным, жалким, хотелось вырыть яму и похорониться в ней заживо. Не надо было сюда приходить, подумал я, такие дома и такие знакомства – не для тебя. Кем ты себя вообразил? На что надеялся? Тебе такого и во сне не видать, дорогой Эмиль. Ты всегда будешь черной овцой, это твоя судьба. Примерно такими были мысли, одолевшие меня в этот момент. Я тонул, дырка в носке, словно пушечное ядро, неумолимо тащила меня ко дну, со всеми сопутствующими радостями: удушьем, отчаянием и впечатанной в каждую клетку моего тела уверенностью, что я был и останусь полным ничтожеством.

И вдруг в меня словно вселилась какая-то сила, и я сказал себе: надо найти решение, оно обязательно должно быть, как в математических уравнениях, и, возможно, оно где-то близко. Не зря папа говорит: мы Шамодо (это наша фамилия), а Шамодо не сдаются в трудную минуту, не признают себя побежденными, пока их не отправят в нокаут. Вначале он говорил это перед теннисными матчами, чтобы подбодрить меня, но ведь этот совет может помочь в любых обстоятельствах. Никогда еще я так явственно не ощущал себя на дне ямы, но во имя нашего рода, во имя моих предков, даже если они, скорее всего, были кучкой неудачников, я решил бороться до конца.

Минуту спустя я вошел в кухню.

– Ты босиком? – удивилась красивая мама Полин. – Но ты же простудишься!

– Нет, у меня ноги никогда не мерзнут, даже наоборот, – заявил я (как вы понимаете, я успел заготовить несколько фраз по этому поводу). – Мне так удобнее, и если это вам не мешает...

«Если она еще и обратит внимание на мои обесцвеченные волосы, я покончу с собой», – дал я себе клятву в то же мгновение.

– Ты жил в Африке? – спросила она.

– Что, простите?

– Африканцы часто ходят босиком. В Сенегале на Рождество это очень приятно, – продолжала она.

Я не совсем понял, что она хотела сказать. Заметив это по моей физиономии, она посчитала нужным пуститься в объяснения:

– Ты наверняка видел репортажи из Африки. Ты не заметил, что они там ходят босиком?

– Ах да, заметил, конечно, извините, – соврал я. И мысленно сделал вывод: наверно, у них часто оказываются носки с дырой.

Я сообщил, что моя мать родом из департамента Приморская Шаранта, а отец – из Орана, но это Северная Африка, Африка белых, так что это не считается. Она улыбнулась и сказала, что я остроумный, а остроумие – одна из самых прелестных вещей на свете. «Спасибо», – вот и все, что я сумел выдать из себя в ответ. Остроумия у меня оставалось уже немного.

Я не ожидал услышать от нее нечто до такой степени приятное, однако был не уверен, что она на самом деле так думает. Эта женщина все отодвигала от себя, как будто не была абсолютно уверена, что ее место – в этом уголке земли, в этой жизни, в этой эпохе, а ведь у нее был точеный профиль, в ее прическе, одежде, в каждом ее движении чувствовалась утонченность, но мне казалось, что она не здесь, а неведомо где. Вы вроде бы нашли нужного вам человека, физически он здесь, но на самом деле перед вами никого нет. Она напомнила мне героинь романов, которые месье Мерле заставляет нас читать, мадам Бовари, мадам де Реналь; эти женщины переходят улицу, покупают в галантерейной лавке пару лент и три пуговицы, но при этом не перестают мечтать о какой-то другой судьбе.

Я еще не описал вам кухню, похожую на демонстрационную модель в магазине мебели: все новое-новое, и нигде ни одной случайной крошки. Она достала из духовки кекс, от него

вкусно пахло. Внутри духовка выглядела так, словно до сегодняшнего дня ею ни разу не пользовались. Есть люди, которые ухитряются постоянно держать все в чистоте – непонятно, как они это делают. Я сказал себе, что никогда в жизни не смогу привести Полин в наш трейлер, и даже в наш дом, если однажды все же удастся его построить.

– Как, ты босиком?! – Полин, зайдя на кухню, тоже первым делом обратила внимание на мои ноги. Иначе говоря, если бы на мне был дырявый носок, я умер бы на месте. Я повторил ей ту же чушь, которую только что наплел ее маме, но, когда ложь произносят во второй раз, она почему-то звучит менее правдиво. Но Полин было на это плевать, у нее было только одно желание – как можно быстрее уйти из кухни. Она взяла чай, который только что приготовила ее мама, взяла кекс, поставила все на поднос, бросила через плечо «спасибо, мама» – в ее голосе не прозвучало ни малейшей благодарности, разве что дружелюбие – и сделала мне знак следовать за ней.

Я думал, что мы идем в ее комнату, но нет: это был музыкальный зал с роялем и еще другими инструментами. А заодно и гостиная – в углу стоял телевизор с видеоплеером. Думаю, девушка с таким воспитанием, как Полин, ни за что не поведет парня в свою спальню. Странно было уже то, что она пригласила меня к себе. Чем больше я об этом думал, тем настойчивее спрашивал себя: что ты тут делаешь? Это было слишком прекрасно, чтобы быть правдой. Я постарался скрыть восторг, потому что на энтузиастов смотрят косо с тех пор, как в современном мире утвердилась новая религия – цинизм.

Она предложила мне чашку чая, вообще-то я его никогда не пью, но тут сказал «да, конечно, спасибо», с тех пор, как я вошел в этот дом, я непрерывно произносил «да», «спасибо» и «извините». Чай имел светло-зеленый цвет, от него пахло газоном и прованскими травами, я думал о том, как же мне выпить эту гадость. Зато я с удовольствием ел кекс. Просто объедение. Поскольку я замучился, изображая благовоспитанного молодого человека, то после первого куса взял еще три. В нашей семье стресс обычно заедают. Некоторые люди от стресса вообще перестают есть и становятся сухими, как фасолины, а нам, наоборот, надо наполниться, компенсировать потраченную энергию. «Ты слишком быстро ешь, Бернар», – эту фразу я слышал в моей жизни чаще любой другой. «Ты права, Анни», – отвечал отец, нечеловеческим усилием воли заставляя себя отложить вилку, чтобы через несколько секунд опять так же яростно наброситься на еду.

– У тебя славная мама.

– Нет, что ты, она такая зануда, и у нее склонность к депрессии, она принимает таблетки.

– Правда? А по ней не скажешь. – Черт, только бы не выглядеть удивленным: как объясняет Бельмондо Ришару Анконино в фильме Лелуша «Баловень судьбы», главное – никогда не выглядеть удивленным.

– Правда-правда, она все время опекает меня, это просто ад какой-то.

Наверно, Полин все же преувеличивает? Можно ли быть такой красавицей, как эта женщина, жить в таком великолепном доме и чувствовать себя несчастной? Если быть богатым не имеет смысла, значит, нам лгали, когда обещали, что с повышением покупательной способности повысится и моральный дух французов.

– Два раза в неделю она ходит к психоаналитику, но это ей мало что дает, в общем, как говорит папа, результаты заставляют себя ждать. И еще она ходит в церковь исповедоваться, кюре ее обожает, он может слушать ее часами, так что, считай, у нее два психоаналитика по цене одного, а толку все равно никакого. Похоже, психоаналитик и кюре дают ей прямо противоположные рекомендации, так что она, бедная, совсем запуталась. Фрейд или Христос – выбор, как в трагедии Корнелия, верно? – бросила она мне, словно это был вызов. Поскольку я в жизни не открывал катехизис, а о Фрейде не знал ничего, кроме фамилии, то несколько растерялся и предпочел сменить тему.

– А твой папа?

– Он редко бывает дома, все время работает, очень много путешествует. Он дирижер. Сейчас вот заставляет меня играть на скрипке, – сказала она, показывая на инструмент, лежащий на пюпитре, и стопку нот.

– О, ты сыграешь мне? Пожалуйста!

– Ни за что!

Я почувствовал, что настаивать абсолютно бесполезно, хоть я и знаю, что женщинам нравится настойчивость, – но не всегда и не во всем.

– Ты музыкант? – спросила она.

Как же мне хотелось ответить «да», схватить скрипку и сыграть мелодию, от которой бы у нее на глазах выступили слезы, а потом она бросилась бы мне на шею, мы сплелись бы в объятии, потом – украденный поцелуй (мама – в соседней комнате), и я ушел бы по-королевски. Но получилось не совсем так. Я подумал: если у нее отец дирижер, задурить ей голову не удастся. И ответил «нет». Само собой, это было поражение.

– Жаль, – сказала она.

– Да.

– Всегда жаль, что ты не музыкант, кажется, это сказал Марсель Эме.

– Мне бы хотелось научиться играть на пианино, – признался я наконец.

– А что, твои родители против? – удивилась она. – Нет, не против, может, на будущий год начну. – Как ей объяснить, что пианино не поместится в трейлере?

– Чем раньше начнешь, тем лучше.

– Да, я знаю. – Наверно, у меня сделался очень несчастный вид, потому что она стала меня утешать:

– Не расстраивайся, это еще не конец света, если для твоих родителей музыка – не главное! Ты ведь, наверно, не родился в семье музыкантов.

Разве что свистунов, из которых самый главный – мой отец. Нет, шучу, конечно, так я ей не ответил. Однако признаваться, что мой отец – торговый агент, я тоже не стал – это было бы все равно, что на полной скорости врезаться в стену. Поэтому я решил перейти к высокому.

– Ницше сказал, что без музыки жизнь была бы ошибкой, а мой папа говорит, что и с музыкой жизнь – это ошибка, и вдобавок в ней полно фальшивых нот.

Полин звонко расхохоталась.

– Он абсолютно прав, – заключила она.

Да, афоризмы у моего предка бывают иногда сногшибательные.

Атмосфера сразу же разрядилась. Я воспользовался этим, чтобы попросить ее все же сыграть мне что-нибудь, ну хотя бы несколько нот. Она встала, взяла скрипку, зажала ее между подбородком и плечом, взяла смычок и начала играть. Полились чистые, безупречные, чарующие звуки: она заиграла мелодию Баха, или Моцарта, или Бетховена, в общем, что-то очень известное, а значит, кого-то из этих троих, – и на мир вдруг снизошла поэзия. Во всяком случае, на музыкальный зал в доме Полин. По сути, не так уж много нужно для того, чтобы человеческая жизнь стала сносной. Она остановилась на середине пьесы, взглянула на меня с обворожительной (а быть может, обвораживающей – кто разберет!) улыбкой и сказала только:

– Ну, вот тебе несколько нот.

– Еще!

Но она уже отложила скрипку.

– Ты очень любишь классическую музыку?

– Безумно!

– Ты прав, это прекрасно, но у нас дома ее слишком много. Они слушают только классику, с утра до вечера. Если бы мама почаще слушала Принса, Майкла Джексона и Boney M, особенно «Rivers of Babylon» и «Daddy Cool», она не была бы такой подавленной, как ты думаешь?

Чтобы проверить эту гипотезу, она подошла к музыкальному центру – настоящее чудо техники, усилитель, на котором зажигаются лампочки, колонки под два метра высотой, – врубила на полную громкость альбом Boney M, тот, где «Rivers of Babylon» и «Daddy Cool» и стала подпевать во все горло, раскачивая верхнюю часть туловища. Это было ужасно смешно.

Ее расчет сработал: вошла мама и потребовала прекратить этот грохот.

– Я показываю ему хореографическую драму, – оправдывалась Полин.

– Мне больше нравилось, когда ты играла ему на скрипке.

– Ты что, шпионишь за нами?

– Ничего подобного, я просто проходила мимо и услышала тебя.

Между матерью и дочерью вспыхнула перепалка, мать попыталась втянуть и меня, и я чуть не оказался между двух огней.

– Приятно слушать, как играет Полин, не правда ли?

Она говорила «не правда ли?»: это выражение попадалось мне в книгах, но вживую я его еще не слышал.

– Просто наслаждение, мадам.

– Лучше, чем эта музыка бесноватых, верно?

Надо было решить, чью сторону я приму, матери или дочери, и эта ситуация мне совсем не нравилась.

– Мне нравится и то и другое, – нашелся я.

Она разочарованно посмотрела на меня: у этой женщины часто бывал меланхолично-разочарованный вид, возможно, именно это делало ее такой красивой.

– Дорогая, сделай потише, у меня голова болит, – произнесла она умоляющим тоном и вышла из комнаты.

– У нее всегда голова болит, – пожаловалась Полин. – Если хочешь послушать, как я играю по-настоящему, то приходи на концерт, который состоится в пасхальные каникулы, я буду там выступать. Но не я одна, а целый молодежный оркестр, по программе культурного обмена.

– Очень хочу! А где будет концерт?

– В Италии, в Венеции.

– А-а, это все усложняет.

– У нас там полно места, есть свободные комнаты, родители сняли большую квартиру, а мои кузены не приедут. Мы не можем взять тебя с собой, но ты можешь жить у нас. Это тебя устраивает?

– Вполне. Спрошу у папы, сможет ли он оплатить мне билет на поезд.

– Или на самолет. Мы встретим тебя в аэропорту. – Как-нибудь доберусь, хоть поездом, хоть самолетом, – напустил я туману.

– Вот это классно, ты приедешь в Венецию!

– Да, это классно.

Я ушел оттуда, чувствуя себя невесомым, словно на космическом корабле. Когда крутил педали велика, мне казалось, что мы с ним зависли в воздухе, как в фильме «Инопланетянин». Кстати, мы с ней так и не посмотрели ту кассету, вместо этого она пригласила меня в Венецию, хотя мы с ней были едва знакомы. О Венеции я знаю только то, что это город, который может пойти ко дну, но пока держится на поверхности, причем исключительно благодаря собственным усилиям – то же самое можно сказать о многих людях. Так или иначе, там кругом вода, и на фото все выглядит очень красиво. Венеция – город влюбленных, как и Париж, не знаю, какой из них первый, какой второй, но помимо своей воли вижу в этом некий знак. Надо только уговорить папу, чтобы он купил мне билет на поезд. О самолете, как я понимаю, не может быть и речи.

Пятница 30 марта

С тех пор как я побывал в гостях у Полин, при случайных встречах со мной в лицее у нее делается какой-то рассеянный вид, не знаю уж почему, надеюсь, она не пожалела о своем приглашении, не подумала, что поторопилась. А может, она хочет возбудить меня, чтобы я обезумел от страсти? Но ей не стоит так делать. Я предпочитаю, чтобы все шло своим чередом, не хочу нарушать естественную последовательность событий, хоть и не знаю в точности, какими они будут. Нередко расстояние усиливает обаяние – по крайней мере, я так думаю. Уже три дня я живу в напряжении. Я ждал, когда папа приедет на уик-энд, чтобы поговорить с ним насчет билета в Венецию. Сегодня во второй половине дня, за полдником, мама сказала мне, что он приедет уже этим вечером, но на поезде, потому что машина сломалась, и пришлось оставить ее в автосервисе. Бывают дни, когда мне кажется, что все случается без предупреждения, жизнь – стремительная штука, если вдуматься.

Мама предложила мне вместе пойти на вокзал встречать папу. Меня смущало, что она была в серых спортивных брюках, порядком вытянувшихся и бесформенных. А еще на ней был длинный яркий жакет, который как будто сильно удивился, оказавшись в одной компании с этими брюками. Обута она была – угадайте, во что? В старые стоптанные кеды! Зная ее с рождения, я мог держать пари, что она не станет переодеваться. И я никогда не посмел бы просить ее об этом. Но даже если бы и попросил, она ответила бы: зачем, я и так неплохо выгляжу, сейчас не время выпендриваться, у нас с твоим папой одна забота – добыть разрешение на строительство.

Вообще говоря, мне не особенно нравится мамин стиль в одежде. А если быть точным, не нравится совсем. Должен признать, иногда она все же совершает определенные усилия, но не всякое усилие себя оправдывает (пусть она меня простит, я знаю, что обязан ей всем лучшим в жизни – и всем худшим тоже). А когда мы с ней идем по улице, и особенно когда заходим в магазины, меня раздражает ее манера ни с того ни с сего вдруг заговаривать с незнакомыми людьми; при этом она говорит громко и постоянно поддакивает, потому что при обмене банальностями главное – быть одного мнения с собеседником. Я не могу сердиться на нее за это, даже если мне ужасно хочется, чтобы она закрыла рот, но мне жутко, просто-таки глобально стыдно. Я знаю, что друзей у нее немного, а если придерживаться математической точности – абсолютный ноль, что у любого человека в тот или иной момент возникает потребность с кем-то поговорить, и поговорить преимущественно ни о чем. Это потребность в одиночестве, вывернутая наизнанку. Вроде как свитер, который случайно надеваешь навыворот. Но я не выношу, когда незнакомые люди вдруг начинают разговаривать друг с другом на улице, меня это просто бесит. И мне не хочется, чтобы это великое братание происходило по инициативе моей матери. Я предпочел бы, чтобы она вела себя более сдержанно. Чтобы она присоединялась к братанию позже, когда оно уже идет полным ходом: необязательно же всегда быть первой. Но у моей мамы часто недостает выдержки, как у ребят в начальной школе, которые ссорятся непонятно из-за чего. Похоже, это проблема всего мира – недостаток выдержки. И поэзии тоже.

Так или иначе, факт тот, что она заводит разговор с первым встречным, а я не могу этому помешать. Однажды мы с ней шли по улице Дорэ, и кругом было полно моих знакомых, потому что в этом городке только одна широкая улица, и остаться незамеченным просто невозможно (надо бы подать иск о вмешательстве в частную жизнь против тех, кто придумал такие маленькие городки). А поскольку мама была одета не слишком нарядно, я шел на несколько метров впереди, чтобы люди не догадались о нашем родстве. Знаю, это было отвратительно с моей стороны, я казался себе ходячей помойкой, мерзким, вонючим чудовищем, ведь я очень люблю маму, хоть и боюсь ее, и очень не хочу, чтобы она догадалась, что временами я нахожу ее не презентабельной. К счастью, это не приходило ей в голову. Я ни в коем случае не хотел бы

причинить ей боль. Когда тебе стыдно за родственников, проблема в том, что ты стыдишься своего стыда. Получается то ли двойная боль, то ли тройная хандра.

Короче, я ел полдник, и тут мама сказала, что папе было бы приятно, если бы я пошел с ней его встречать. Для моих планов это было как нельзя кстати. Я согласился, от моего дома до вокзала всего восемь минут пешком – я говорю «от моего дома», но вы ведь знаете, что в данный момент мой дом – это строительный котлован, который после дождя наполняется водой, да, мой дом – это яма, наполненная грязью, или же трейлер, стоящий на краю этой ямы, тут все зависит от угла зрения. Я повторяю это, чтобы привыкнуть к такой ситуации, ведь новый дом будет готов не завтра. Короче, мы отправились на вокзал, часть пути идет через лес, в принципе это дорога, по которой я езжу в лицей, только к вокзалу надо свернуть налево. Обычно на этой дороге безлюдно. Выходишь из леса, огибаешь с задней стороны ряд домов, переходишь улицу – и ты на вокзале. Мы стояли и ждали объявления по радио, ну, типа «поезд прибывает на первый путь, просьба отойти от края платформы», если имеются кандидаты в самоубийцы, не знаю, может ли эта фраза заставить кого-то из самоубийц передумать.

И вдруг, метрах в сорока от нас, я увидел Полин с матерью: они вышли на платформу из здания вокзала. Мать, для разнообразия, была одета экстра-класс, а Полин была, похоже, не в духе и при этом непозволительно красива (не знаю толком, что означает это выражение, но именно так и было). К счастью, они пока что меня не заметили. Надо было принять срочные меры, чтобы избежать драмы. Знакомство с родителями явно было бы преждевременным, не говоря уже о столкновении цивилизаций, которым обернулась бы встреча двух мам.

Ровно в тот момент, когда должен был прибыть поезд, я сказал маме, что мне срочно надо в туалет. Я прокрался по платформе, прячась за спинами пассажиров и встречающих и нырнул в подземный переход. Сердце бешено колотилось от страха, что меня заметит Полин, я несколько минут просидел скрючившись, точно моллюск в раковине. Во мне происходило настоящее землетрясение. Я чувствовал себя грязным внутри, словно там появилось несмыслимое пятно. А наверху радостно встречали прибывших, все кругом обнимались, вокзальная платформа – место, где люди как будто бы любят друг друга: наверно, причиной тут – страх быть покинутым, который исчезает на время объятия.

Группы людей проходили мимо меня, направляясь к стоянке. Я дождался, когда этот поток поредел, а затем рискнул выбраться наверх. А в это время родители стояли посреди платформы, не понимая, куда я мог деться. Я бросился на шею папе, а он спросил, где меня носило. Я ничего не ответил, и тут вернулась мама, которая ходила искать меня в здание вокзала. Она взглянула на меня и отвела в сторону.

– Ты не ходил в туалет, ты спустился в переход. Думал, я не замечу?

– Я увидел на той стороне одного приятеля и хотел с ним поздороваться.

– А почему мне не сказал? Не хотел знакомить его со мной? Стыдишься меня, да?

Она раскусила меня с самого начала. Угадала, что я почувствовал, верно истолковала мой взгляд и мое бегство. Разумеется, я не признался.

– Я – твоя мать, нравится тебе это или нет.

– Ну конечно, мама.

– Что случилось, дорогая? – К нам подошел папа.

– Твой сын стыдится своей матери.

От этих слов у меня кровь застыла в жилах. Я нашел в себе силы пробормотать что-то про друга, которого увидел на той стороне, и пошел с ним поздороваться, да, я не хотел видеть его рядом с мамой, что тут такого?

– Все нормально, – примирительным тоном сказал папа. – Так или иначе, с вашей стороны очень мило, что вы пришли встречать меня вдвоем. Может, пойдем съедим пиццу?

«Только бы отцу Полин не пришла в голову та же идея!» – взмолился я про себя.

Первым войдя в пиццерию, я обшарил взглядом зал. Хорошая новость: семьи Полин там не было. Вряд ли они в пятницу вечером, выходя из вокзала, стали бы есть пиццу, подумал я, но так и не сумел представить себе, чем они могли бы заняться вместо этого. Мы сели за столик, папа казался веселым и в то же время встревоженным. Он сообщил нам, что собирается завтра пойти в мэрию, к чиновникам, которые выдают разрешения на строительство, и устроить им скандал. Папа вообще не любит чиновников, он всегда называет их прирожденными лодырями и безнадежными трусами. И тем не менее его заветная мечта или, вернее сказать, его исступленное желание заключается в том, чтобы я защитил диплом и стал преподавателем математики, чтобы я женился на такой же дипломированной математичке и мы оба вели тихую размеренную жизнь в лицее, где не бывает проблем, а есть отпуск на все время летних каникул, и никто не боится потерять работу. Таким он видит мое будущее, вот почему они заставляют меня зубрить математику, заставляют перескочить сразу через полтора класса (я родился в конце года) и даже оплачивают частные уроки, притом что у них не хватает денег на нормальное жилье, и приходится жить в трейлере. Но ведь у преподавателя, насколько я понимаю, тоже есть немного (или даже много) от чиновника. И не похоже, чтобы эта ситуация могла измениться. Да, мой папа – это уравнение со многими неизвестными.

В общем, он был жутко смешной, когда заявил, что снимет стружку с этих дерьмовых чиновников – мой отец иногда может быть очень грубым. Я представил себе эту сцену: папа, когда захочет, может достать кого угодно, он безошибочно находит у человека слабое место, это прирожденный провокатор. Он перевернет мэрию вверх дном, он не даст им вздохнуть, они узнают, на что способен мужчина из рода Шамодо, эти хамы, эти тупицы, в итоге они будут готовы на все, лишь бы только их оставили в покое. Но мама, похоже, была настроена менее оптимистично.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.